

Производство социально-экологического знания

Автор: О. Н. ЯНИЦКИЙ

Статья 2. Политический и культурный контекст

О значении культурного контекста

Сначала о некоторых фактах. В производстве социально-экологического знания участвует и знание вненаучное. Это - религиозные верования, традиции, обычаи, обряды, содержащие установки по отношению к природе и обществу. Это также традиции и повседневный опыт местных сообществ, закрепленные в производственных и бытовых практиках. Существование такого опытного знания стало предпосылкой возникновения народных промыслов и народной медицины, альтернативных форм питания, образа жизни и др.

Сегодня глобальная экспансия потребительской культуры, стандартизация и одновременно постоянная смена стилей жизни разрушают местные культуры, превращая их из регулятора повседневной жизни в "этнографический элемент" моды. Поэтому социально-экологический конфликт не только имеет культурный обертон, но и является прямым результатом культурного конфликта, то есть столкновения двух культур - потребительской и сберегающей. Глобализация и культурная унификация противостоят идеи и практике мультикультурализма. Но глобализация порождает и эффект культурного бумеранга. В нынешней ситуации неопределенности, анонимности, а также высокой скорости распространения экологических рисков вненаучные источники социально-экологического знания, и прежде всего социальный опыт данной группы или сообщества, обладают значительным преимуществом, поскольку дают быстрые и однозначные ответы, к тому же - в доверительной личностной форме. Как отмечает Ф. Фишер, когда науке и институтам ее публичной политики не доверяют, система верований представляет собой "интерпретативный синопсис" длительного социального опыта, дающий людям ориентир в ситуациях сложности, неопределенности и ограниченности времени [Fisher, 2003, p. 140 - 141].

При позитивистской ориентации производства социально-экологического знания происходит взаимное отторжение экспертного и локального знания (опыта). Эксперты, будучи аутсайдерами по отношению ко всякому местному сообществу, всегда стремятся абстрагироваться от конкретной ситуации, местных культурных особенностей. Носители экспертного знания мало чувствительны к локальному контексту, редко прислушиваются к голосам с мест, вникают в их ситуацию и возможности. В свою очередь, местные группы часто игнорируют экспертное знание, так как оно не приспособлено к их потребностям, ограничениям и структуре потребностей.

Я н и ц к и й Олег Николаевич - доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

В частности, эксперты не учитывают тот факт, что освоение людьми социально-экологического знания всегда опосредуется культурой - профессиональной, локальной, бытовой или "активистской". Как пишет С. Иерли, одни, будучи непосредственно вовлечены в решение экологических проблем, были вынуждены осваивать какую-то научную аргументацию. Другие осваивали экологический язык при помощи СМИ, третьи - в процессах переобучения, четвертые, как, например, медики, - для решения своих профессиональных проблем, пятые, как политики, - чтобы быть более убедительными и не делать грубых ошибок. Наконец, лидеры массовых экологических кампаний были заинтересованы в росте экологической обеспокоенности и осознании жителями экологических опасностей [Yearley, 2003, p. 172]. Таким образом, не существует какого-то одного простого способа освоения научного знания различными социальными страхами и сообществами.

Более того, "формальные эксперты" и "гражданские эксперты", то есть местные активисты, опираются на разные культурные парадигмы. Первые полагают, что инструментальный контроль - норма любого валидного знания. Значит, местное население не имеет собственной легитимной культурной специфики. Вторые опираются на парадигму культурной рациональности (подробнее о ней ниже). В итоге позитивистски ориентированное социально-экологическое исследование оказывается культурно отчужденным от местной жизни. Иными словами, результаты такого исследования могут быть воплощены в жизнь только в случае их соответствия местным культурным моделям и нормативным практикам. Это и есть культурная норма рассматриваемого нами процесса научного производства. Как пишут А. Ирвин и Б. Уинн, до тех пор пока "универсальная наука" не признает фундаментальное разнообразие контекстов собственности, контроля и валидации, равно как и их "применения" в качестве легитимных и необходимых, "понимание науки обществом остается печальной историей потерь и разочарований. Важно видеть изменяющийся культурный контекст, в рамках которого наука должна оперировать, где вызовы властям предержащим скорее всего будет встречены критической, если не явно враждебной аудиторией" [Irwin, Wynne, 2003, p. 218 - 219].

О понятии культурной рациональности

В отличие от научной рациональности, опирающейся на веру в эмпирические свидетельства и научный метод, на экспертные суждения для целей принятия решений, подчеркивающей важность логической последовательности и универсальности метода исследований, фокусирующую свое внимание на квантифицируемых воздействиях, "культурная рациональность подчеркивает или, по крайней мере, придает равное значение личностному опыту или опыту близких, нежели деперсонализированным техническим калькуляциям. Концентрируя свое внимание на мнениях традиционных и местных групп, адепты культурной рациональности рассматривают неожиданные последствия как релевантные для их учета в краткосрочных решениях". Их трактовка "общественного восприятия риска" иная. Она, находясь за пределами выявления статистических вероятностей и калькуляций типа риск-выгода, интерпретирует это восприятие как "иную форму рациональности, которая определяется обстоятельствами, в условиях которых риск выявляется и становится публичным, будь то положение или место индивида в его/ее местном сообществе или общие ценности последнего. В этом отношении культурная рациональность может быть понята как рациональность социального мира жизни" [Fisher, 2003, p. 132 - 133].

Можно сказать, что культурная рациональность представляет собой также *иную логику принятия решений*. Эта логика проявляется особенно тогда, когда население подозревает, что его обманывают или манипулируют его мнением. В подобных случаях оно оценивает решения, предлагаемые ему экспертами, опираясь на собственный социальный опыт, прежде всего на опыт личного общения с экспертами или представителями власти. Очевидно, что вопрос о доверии снова становится ключевым. Как пишет Фишер, подобные вопросы особенно уместны, когда критически важные для населения ре-

шения принимаются далеко отстоящими от него, анонимными и иерархическими организациями. Граждане хотят знать, каким образом решения были достигнуты, чьим интересам они служат, не имеют ли они скрытых целей, кто за них отвечает, как жители будут защищены, если что-то случится и т.д. [Fisher, 2003, p. 137]. Как показывает российский опыт течения социально-экологических конфликтов, чем выше для населения неопределенность ситуации, возможного риска, потеря в будущем, тем вероятнее, что его поведение будет строиться именно в соответствии с моделью культурной рациональности.

Эта рациональность определяет вполне определенные поведенческие реакции. В условиях экологической угрозы население скорее всего будет озабочено проблемой собственной безопасности и процедурами ее обеспечения, нежели абстрактными калькуляциями возможной выгоды от научно-технической инновации. Например, если речь идет о строительстве нового блока атомной станции, то население будет более озабочено средствами защиты от радиации, нежели предполагаемыми выгодами от (возможного) получения более дешевой электроэнергии в будущем. Можно сказать, что экологическая культура местного сообщества представляет собой нормативный, то есть принятый в нем, способ интерпретации смыслов и значений материальных и информационных воздействий, поступающих извне. Соответственно, локальное знание как часть этой культуры есть знание о местном контексте, его специфических характеристиках, обстоятельствах, событиях и взаимоотношениях, а также о формах их нормативной (смысловой) интерпретации. Как таковое локальное знание основано на опыте, глубокой рефлексии и здравом смысле граждан.

Отмечается, что культурная рациональность должна быть инкорпорирована экологической политикой. Акцентируя необходимость сохранения уникальных черт индивидуального и группового образа жизни, включая знаковую (символическую) систему, посредством которой этот уклад воспроизводится и передается, adeptы культурной рациональности настаивают на политизации самих оснований институтов принятия решений. Главным инструментом достижения этой цели в США и странах Западной Европы называют *движение за экологическую справедливость*, то есть за относительно равномерное распределение экологических рисков во всех слоях общества [Hofrichter, 1993]. Теоретики данного общественного движения утверждают, что существующие в этих странах институты и их базовые ценности - не только часть экологической проблемы, но что они и есть главная культурная проблема [Harvey, 1999].

Соучаствующий исследователь

В подобной ситуации ученый не может быть только дистанцированным наблюдателем. Понимание того, что социально-экологическое знание вырабатывается в ходе диалогического, дискурсивного процесса, стремление вникнуть в механизмы восприятия и логику действий другой стороны, сочувствие (эмпатия) по отношению к местному населению или его инициативным группам, организация соучаствующего исследования - такова общая последовательность шагов ученого, опирающегося на модель культурной рациональности.

Но если это так, то изменяются смысл и структура исследовательского процесса. Во-первых, исследователь должен определить тип социально-экологического конфликта, так как участие граждан может быть полезно в одних случаях и не дать никакого эффекта в других. Во-вторых, этот конфликт надо проблематизировать, то есть выявить позиции транслокальных и местных сил и их соотношение. Сегодня алгоритмы развития критических экологических ситуаций все чаще носят "унифицированный" характер (эпидемии, ураганы, пожары, техногенные катастрофы, кризисы мировых финансовых рынков), а возможности местных сообществ по их предотвращению или смягчению всякий раз специфичны, - вспомним, насколько были различны последствия урагана для "бедного" Нового Орлеана и "богатой" Флориды в США в августе-октябре 2005 г. Поэтому задача соучаствующего исследователя здесь тройная: выявить по возможности истинный масштаб угрозы, определить, какой помощи можно реально ожидать со сто-

роны и какие местные силы и ресурсы можно мобилизовать самостоятельно. В-третьих, нужно эксплицировать диспозицию интеллектуальных сил, вовлеченных в конфликт, то есть выявить его познавательную и культурную конфигурацию.

В-четвертых, возможно, самое сложное - перемещение исследователя в центр конфликта. Фактически ученый становится не только посредником между конкурирующими социальными силами, переводящим требования одной стороны на язык другой, но "соучаствующим экспертом", разделяющим позиции местного сообщества и помогающим ему сформулировать его проблемы на его собственном языке (см., например, [Edelstein, 1988]). Поэтому, в-пятых, ученый не только ищет местных активистов или лидеров общественного мнения, но и включает их в диалог с профессионалами. Ключевым моментом здесь является *обучение местных лидеров в процессе общественной активности*: как общаться с экспертами, как интерпретировать выводы их научных изысканий и как в некоторых случаях делать подсчеты риска самим. И, что не менее важно, -уметь подсчитать и мобилизовать собственные ресурсы. Например, в странах третьего мира используется метод соучаствующего картирования природных ресурсов, находящихся в ареале доступности местного сообщества. Такое исследование имеет несколько целей: расширить доступ местного населения к информации, продуцируемой учеными, систематизировать и артикулировать их собственное знание, выработать инструментарий для коммуникации между местным населением и профессионалами. Общественные слушания являются первой ступенью публичной презентации локального знания, сформулированного самими жителями и в их собственных терминах, затем идет их участие в общественной экспертизе, судебных тяжбах, смешанных группах по выработке альтернативных решений и т.д. Так шаг за шагом, преодолевается неравенство Большой науки и локального знания, и "люди улицы" могут ощутить себя не только "жителями", но гражданами, суверенными и самодеятельными существами, носителями интеллектуальной собственности.

Приведу характерный пассаж А. Бруша и С. Стабинского. Для преодоления ситуации отчуждения и неравенства предлагается рассматривать уникальное "культурное и местное знание... как форму интеллектуальной собственности для того, чтобы увеличить экономическую отдачу биологических ресурсов, культивируемых местным крестьянством и коренными народами". Исходя из того, что эти люди "культурируют значительное количество ценных биологических ресурсов, которые нужны для современной индустрии, такая интеллектуальная собственность должна рассматриваться как инновация для развития и распространения знания о видах растений и животных. Это также одновременно могло бы быть способом защиты как биоресурсов, так и самого местного населения" (цит. по [Fisher, 2003, р. 203]).

Параллельно идет другой, не менее важный процесс: ученый-адвокат глубже овладевает местной культурой, становится все более квалифицированным переводчиком с местного языка на научный, с языка улицы на язык публичной политики (об адвокативной науке подробнее см. [Яницкий, 2004]). В идеальном случае ситуация "учителя" и "ученика" замещается *диалогом ко-производителей*, в результате чего рождается знание, за которое они оба несут ответственность. Поэтому соучаствующее исследование - не только академическая проблема. Это указание на то, что отношения между жителями, научными экспертами и представителями власти, касающиеся процессов экологических рисков и использования местных ресурсов, должны быть пересмотрены в сторону более эффективного взаимодействия между организаторами эмпирических исследований и носителями локального знания. Как утверждал З. Бауман, сегодня ученого небольшой выбор: или он должен инкапсулироваться в башне из слоновой кости, или работать только на рынок, создавать товар, который хорошо продаётся [Бауман, 2002, с. 170- 171]. Однако, как представляется, возможен и "третий путь": соучаствующее исследование есть демократическое и морально мотивированное социальное действие, существенно отличающееся как от сциентистской, так и от "рыночной" форм научной и политической культуры. Для такого исследования методы изучения случая, построение хроник развития социально-экологического конфликта, различные формы "картирова-

ния" (событий, ресурсов), изучение человеческих документов, включенное наблюдение и глубинные интервью - наиболее адекватные инструменты социологического анализа.

Политический аспект производства социально-экологического знания

Экологическая политика есть процесс и результат столкновения и борьбы двух частей общества: производящих и легализирующих социально-экологические риски и защищающих от них людей и их среду обитания. Иными словами, это борьба сил, нарушающих устойчивость экосистем и ее восстанавливющих. Значит, *социально-экологическое исследование, включаясь в борьбу данных сил, становится политикой как таковой*. Получаемое знание не только по-своему интерпретируется каждым из агентов политического процесса, но и производится ими самими в ходе борьбы, при разработке соответствующего законодательства, подзаконных актов и инструкций, наконец, при принятии решений и их реализации. Каждый социальный институт или группа интереса -будь то радикалы или консерваторы, левые или правые, - стремятся обзавестись собственными научными экспертами и исследовательскими центрами.

Соответственно, механизм производства этого знания также политизирован. Или практикуется его "вертикальная" (авторитарная, директивная) модель, где оно используется властью как политический ресурс в борьбе за утверждение ценностей потребительского общества, против "экологического инакомыслия", или же демократическая (партиерская, диалогическая) модель, когда данное знание используется для создания ресурсосберегающего и средовосстанавливающего общества и производится в ходе соучаствующего исследования.

В последнем случае рядовые граждане, их оценки, мнения, соображения, перемещаются в центр этого механизма, то есть активно соучаствуют на различных стадиях этого производства. Соучаствующее исследование есть также механизм формирования альтернативной политической культуры и поддерживающих ее ценностей и институтов. Так или иначе, нет никогда прямой однозначной связи между научным пониманием некоторой экологической проблемы, ее политическим решением и практическим его воплощением. Это означает, что скрытая политическая подоплека научного исследования должна быть проблематизирована. Ключевые вопросы здесь - соотношение знания и власти, с одной стороны, и доверие к ним со стороны населения - с другой.

Представляется, что политический анализ в интересующей нас сфере знания должен строиться по логике обозначенного выше конфликта. Назову некоторые его предметные области. Одна - актуализация проблемы ресурсов, природных и социальных: их производства, перемещения, распределения и использования в качестве политического оружия. Следовательно, значение геополитического знания возрастает. Другая - исследование политических и культурных сил, противостоящих "ресурсной парадигме" общественного развития, действующих в направлении перехода мирового сообщества к парадигме ресурсосберегающей, экологической. Третью можно обозначить как изучение неполитической политики. Сегодня реальная политика все чаще формируется и осуществляется за рамками формальных политических институтов - политических партий, парламентов и др. Фишер подчеркивает, что "массовые акции протesta, возникновение организаций и неформальные переговоры коллективных лояльностей за рамками формальных институтов - разрастающееся явление современного общества, и до тех пор, пока эти институты не осознают, что вопрос доверия к ним есть их центральная проблема, они будут лишь усугублять кризис постмодерна" [Fisher, 2003, p. 218]. Еще одна такая область - изучение публичного и скрытого взаимодействия социальных сил (групп интереса, общественных движений, организаций и институтов), формирующих в обществе представления о норме "проэкологической" общественной динамики. Наконец, необходимой представляется экспликация роли социально-экологического знания в формировании современного политического дискурса.

Теперь остановимся на роли некоторых легальных институтов, не входящих непосредственно в систему властных структур, но оказывающих существенное влияние на производство и распространение социально-экологического знания. Возьмем, например, СМИ и институт правva.

Появление в СМИ материалов по средовым проблемам внесло несомненный вклад в рост экологической информированности населения. Однако СМИ ведут свою политическую линию, предпочитая одни темы и истории другим. Кроме того, "технологическая" особенность СМИ заключена в их акценте на фотогеничности и привлекательном изобразительном ряде. Одни экологические акторы и сюжеты лучше соответствуют этим требованиям, другие - хуже. Далее, СМИ будут давать комментарии к некоторой экологической проблеме тогда, когда составители программ считут это нужным, а не тогда, когда экологические активисты добывают "горячие факты". Все это влияет на установку активистов и ученых-адвокатов в отношении способов публичной подачи результатов их научных изысканий. Как пишет С. Иерли, иногда "лидеры массовых кампаний вынуждены калькулировать, что "научное" из их требований или лозунгов можно выкинуть для достижения успеха кампании или судебной тяжбы. Кроме того, формат "объективности" всегда предполагает некий баланс между точками зрения, предложениями, позициями и т.д." [Yearley, 2003, p. 184].

Итак, одно дело - борьба научных позиций, и совсем другое - подгонка (дозирование, интерпретация) экологической информации в соответствии с идеологией и форматом СМИ. Всегда "баланс" такой информации сдвигается от ее научной обоснованности в пользу публичной привлекательности. СМИ, как правило, дозируют экологическую информацию в соответствии с сиюминутными потребностями властных структур, целями массовых кампаний, инициированных в данный момент властью (например, с кампанией преследования злостных нарушителей природоохранного законодательства). СМИ нужны только сенсационные материалы, поэтому они "обрезают" всю научную аргументацию, оставляя ученым только возможность высказать некий "тезис", который публика расценивает как еще одно, в ряду других, мнение, а не как научный факт. Ученые не имеют возможности ранжировать информацию, подаваемую через СМИ. Важные, с точки зрения экологической опасности, сообщения подаются в одном ряду со сведениями о массе других, часто случайных, но "ярких" событий светской жизни, скандалах, экзотике. Поэтому информация об экологических рисках, исходящая от СМИ, имеет не осмысленный, а событийный и мозаичный характер. СМИ расчленяют действительность на "случаи" и "картинки". Только очень редко они отслеживают динамику каких-то экологических событий. Поэтому сознание рядового человека постоянно дробится и не может сконцентрироваться на конкретной экологической проблеме, ее причинно-следственных связях, предпосылках, виновниках (последствиях какой-то катастрофы или др.). В этом смысле СМИ не мобилизуют общественное мнение и не учат граждан рефлексии. Напротив, они отвлекают и наркотизируют. Наконец, на российском телевидении нет специальных социально-экологических передач - ни просветительских, ни обучающих, ни тем более аналитических.

Еще большее влияние на трансформацию социально-экологического знания на его пути к практике оказывает институт права. В его организациях это знание может работать только через экспертные комиссии и отдельных профессионалов, вовлеченных в процессы законотворчества, судебных тяжб, оценки проектов или принятия решений. Поэтому юристы периодически имеют возможность находить расходящиеся точки зрения и оценки, содержащиеся в заключениях экспертов и активистов движений (например, насколько опасны атомные станции, являются ли пестициды причиной онкологических заболеваний и др.). Юристы также способны показать, что мнения индивидуальных экспертов основаны на суждениях, которые не могут быть подтверждены обращением к ясным и трансцендентным научным принципам. Иными словами, юристы имеют возможность представлять научные знания просто как "мнения", снижая тем самым их гносеологический статус. Замечу, что социологи, если они в изучении социально-экологических проблем ограничиваются только опросами общественного мнения, делают то же самое. Тем самым и те и другие разрушают целостные стереотипы восприятия и понимания этих проблем различными группами и социальными общностями.

Более того, представляя научные знания как мнения, юристы (в ходе судебных прений и других конкурентных процедур) показывают публике, что сама наука является

политическим конструктом. Вообще, политизация научной экспертизы имела разрушительные последствия для этогонаучного сообщества. Наблюдая за экологическими дебатами в парламенте, судах или СМИ, люди улицы начинают осознавать субъективную и политическую сторону научного производства, например, что сложные совокупности экологических фактов эксперты интерпретируют по-разному, что применяемые ими методы интерпретации следуют определенным политическим правилам, что научная экспертиза является консервативной силой, потому что чаще всего защищает точку зрения власти предержащих. Так или иначе, эксперты более не могут позиционировать себя как незаинтересованных и объективных исследователей, лишь предлагающих оптимальные решения. Их базовый эпистемологический принцип - ценностная нейтральность - был серьезно подорван.

В целом институт права оказывается еще более влиятельным, нежели СМИ. Поэтому сегодня экологическая наука, включая ученых-адвокатов, все чаще ищет себе подкрепление и самооправдание в терминах легальных, институциональных и процедурных оснований, нежели в терминах ценности и правды фактов, которые она приводит в доказательство. Не случайно, что в литературе парадигму экологической политики иногда именуют "научно-политической", то есть представляющей собой смесь научных и легально-административных соображений [Jasanoff, 1992; 1995].

Но то же приходится делать и экоактивистам. Как пишет Фишер, "экологические конфликты и дебаты стимулируют развитие рефлексивной модернизации, то есть установки, которая соответствует прагматизму организаторов экологических кампаний. Но также очевидно, что характер этого прагматизма зависит от господствующей экологической группы в данной стране, легальной и административной систем последней, а также от влияния СМИ. Практическая полезность научного знания и общественное восприятие его валидности и адекватности не детерминированы какой-то одной логикой постмодерна. Они детерминированы практическими решениями организаторов массовых экологических кампаний, равно как и процедурами, принятыми медиа и национальными органами власти" в данной стране [Fisher, 2003, p. 188]. Таким образом, неполитические акторы и институты, изменяя форму публичной презентации научных фактов, расставляя собственные акценты, могут оказывать серьезное воздействие на восприятие экологических рисков и реакцию на них населения. Лидерам гражданских инициатив и экологических движений всякий раз приходится подстраиваться под эти формы и рамки.

Публичная политика и политическая эпистемология

Сегодня публичная политика как общественный диалог в форме публичных дискуссий, обсуждений, общественных слушаний и гражданских инициатив все более вытесняется экспертизой. Экспертиза есть политико-гносеологическое основание современной власти, которая становится все менее демократичной вообще и в сфере социальной экологии в частности. Однако ошибочно сведение политики к совокупности экспертных суждений и заключений. В реальном мире политики не было и нет чисто "экспертных" решений. Экологическая политика - всегда социальная и политическая конструкция, которая является результатом борьбы, как отмечалось в [Яницкий, 2006], двух доминирующих взглядов на мир и, соответственно, двух парадигм социального действия - утилитаристской (потребительской) и сохранительной (воспроизводственной). Социально-экологическое знание всегда производится "в" и применяется к конкретной ситуации или контексту - в мире политики политический контекст играет решающую роль. Поэтому демократизация форм профессиональной экспертизы, восстановление публичности экологической политики должны быть основаны на более ситуационно-рефлексивном подходе ко всему механизму производства социально-экологического знания. Возникает вопрос: какова роль общественности в этих преобразованиях?

Говоря в целом, *участие как коллективный поиск согласия и взаимоприемлемых решений есть контролерза политически ангажированной экспертизе*. Если общество становится полигоном для тестирования экспертных решений, то единственным противовесом такой ситуации является участие граждан, развитие "экологической демократии" (У. Бек). Конкретно, это участие может внести вклад в достижение как минимум

трех целей. Во-первых, это участие и его нормативная рациональность (обсуждение, взвешивание аргументов) придает смысл демократии как форме и сути политической жизни. Если мы серьезно стремимся к развитию демократии, то все граждане должны по крайней мере часть своего времени посвящать обсуждению тех решений, которые влияют на их жизнь [Barber, 1984]. Во-вторых, общественное участие (общественные слушания, массовые кампании и другие формы контекстуально центрированного общественного мнения и социального действия) вносит нормативный вклад в легитимизацию политики и реализации решений. В-третьих, не менее важно, что участие граждан может внести вклад в профессиональное исследование. Соучаствующие формы исследования обладают способностью производить новое, в частности, локальное знание, что недоступно для более абстрактных эмпирических методов.

Решение целого ряда социально-экологических проблем станет эффективнее, если построенные по принципу сверху-вниз отношения типа "заказчик-эксперт-решение-исполнение" будут заменены более демократическими и публичными процедурами "соучаствующего исследования". Соответственно, наряду с фигурой профессионального эксперта от науки появится фигура "специализированного гражданина", представляющего интересы места. Подчеркну еще раз: процесс производства социально-экологического знания является социально-политической практикой, а не только чисто объективным процессом производства и распространения "научных фактов". Принципиально важно, что в этом случае знание становится не только результатом объективного измерения как такового, но и взаимопонимания, договоренности, консенсуса.

Западными социологами были предложены три институциональные процедуры принятия решений с участием общественности: 1) "научный суд", в котором ученые, подобно судебной процедуре, выступая в роли "научных судей", должны были выслушивать свидетельства участвующих сторон и организовывать перекрестные допросы в соответствии со строгими процедурами; 2) метод "риск-коммуникации" для выяснения, как именно население воспринимает и оценивает экологические угрозы и риски; и 3) технология экологического посредничества, предполагающая перенесение дискуссий между учеными и населением на более нейтральную почву, которая бы снимала политическую избыточность конфликтов и способствовала достижению консенсуса между сторонами под контролем ученых и административного персонала [Kasperson, Stallen, 1991; Susskind, 1994; Susskind, Cruikshank, 1987]. В российской практике, помимо общественных слушаний и экспертиз, все большее распространение получает участие общественности в разработке конкретных проектов охраны и восстановления среды различного формата и масштаба [Халий, 1996; Участие... 2004].

Но для построения нормальной модели производства социально-экологического знания просто "участия" даже в самой совершенной форме недостаточно. *Гражданские инициативы и общественные движения играют здесь принципиальную роль.* Неспособность современных политических институтов адекватно отвечать на экологические вызовы и, в частности, на повседневные риски, легитимизирует право гражданских организаций на борьбу за экологизацию этих институтов и общества в целом. Основные функции названных коллективных акторов следующие.

Во-первых, это воздействие на институт науки. Указанные коллективные акторы, демонстрируя ограниченность возможностей науки в предсказании и/или разработке мер по устранению экологических рисков, одновременно оказывают ей помочь в выработке "сituативных решений", учитывающих локальное знание. Взаимодействие с учеными помогает членам инициатив и движений вырабатывать собственные оценки приемлемости экологических рисков. Общественная экспертиза - не только вклад в теорию и практику демократии, но и фактор, побуждающий к развитию институт государственной экспертизы.

Во-вторых, это обучающая и охранительная функции. Экологическое движение - школа гражданственности через обучение действием (как общаться с экспертами и властями, как интерпретировать их заключения и действия, как оценивать риски самим). Одновременно гражданское действие есть защита от специализации и фрагментации на-

учного знания, происходящих вследствие углубления междисциплинарных размежеваний и конкурирующих экспертных суждений, что порождает конкурирующие модели социальной реальности. Участие в гражданских действиях способствует восстановлению у населения целостного восприятия картины мира.

В-третьих, это мобилизующая функция движения, поскольку оно помогает гражданам трансформировать научное, в том числе локальное знание и другие местные ресурсы, в политически мобилизующий ресурс. Общественное движение есть целенаправленная практика публичного действия, направленного на достижение баланса между ключевыми экологическими (здравье, сокращение загрязнения среды, сохранение биоразнообразия) и социально-экономическими (экономический прогресс, национальная безопасность) ценностями и целями.

В-четвертых, это социетальные функции движения, и прежде всего борьба против авторитарных стратегий решения экологических проблем, за демократизацию процессов принятия экологических решений. Далее, это борьба за экологическую справедливость, то есть за более равномерное распределение рисков в обществе, что есть одновременно форма борьбы за его более демократическое устройство. Наконец, экологическое, феминистское, самоуправления, жилищное и другие социальные движения предлагают обществу стратегии, альтернативные потребительской модели его развития. Что касается этапов и форм демократизации экополитических решений, а также шкал для их измерения, то они достаточно подробно рассмотрены в социологической и политологической литературе [Яницкий, 1991; 2002; Nelissen, 1991; Diani, 1995; Burstein, Einwohner, Hollander, 1995].

В свете сказанного *политическая эпистемология* означает контекстуальную и интерактивную ориентацию профессионально-аналитических практик, то есть выход рассматриваемой области производства знаний за рамки профессиональных границ и учет взглядов и мнений "людей улицы". В частности, политическая эпистемология занимается трудностями, которые испытывают сегодня лица, принимающие решения, а именно - их зависимость от знания и власти, их неспособность оценить степень консенсуса в отдельных дисциплинах, равно как и справиться с растущим объемом информации. Для этой цели политическая эпистемология должна фокусироваться на способах, посредством которых специалисты по производству социально-экологического знания общаются "поперек" разделительных барьеров между идеями и дисциплинами, на том, как различные профессиональные группы и местные сообщества видят и изучают действительность и в каких институциональных формах ведется между ними диалог. Как подчеркивает Фишер, теоретически ключевыми для политической эпистемологии являются вопросы о взаимоотношениях между эмпирическим и нормативным, количественным и качественным исследованиями [Fisher, 2003, p. 256].

Практически это означает сосредоточение исследователя на аргументах и полемике, которые конституируют и интегрируют различные экополитические сети и сообщества, такие, например, как сеть социальных ученых, политических экспертов, журналистов, политиков, управленицев-практиков, а также лидеров гражданских инициатив, вовлеченных в дебаты по конкретному социально-экологическому конфликту. Цели анализа подобных сетей - выявление и конструирование способов, посредством которых ее члены достигают согласия относительно базовых гипотез о путях разрешения данного конфликта, оценки релевантности конкретных дисциплин или властных структур для его разрешения, а также выявление возможностей участия граждан в этом процессе и реакции на оппозицию со стороны. Даже если политическая эпистемология не сможет предложить конкретные решения, она, как минимум, может показать нам, каким образом можно поддерживать такой диалог [Rorty, 1979].

* * *

Итак, необходима дискуссия о меняющемся характере производства социально-экологического знания, его взаимоотношениях с иными формами производства знания и населением, то есть о норме такого производства. Это ставит трудные вопросы о границах научного понимания, направлении научных исследований, отношениях между обще-

ственной пользой и частной выгодой, в конечном счете о том, кто же контролирует это производство. Как представляется, чем пытаться укреплять его иерархическую модель ("наука-практике"), плодотворнее направить интеллектуальные усилия на построение более объемлющей сети производства знаний, обращая особое внимание на возникновение новых институциональных форм публичного действия, на характер взаимодействия формализованного и локального знания. Неправительственные экологические организации, гражданские инициативы, кампании протеста, феминистские сети, активность профсоюзов - все они могут быть трактованы как обучающие системы в отношении производства и распространения знаний. Носители формального академического знания должны работать в диалектическом напряжении с носителями публичного знания - экспертами и обычными гражданами с тем, чтобы произвести контекстуально осмысленное знание. Нормы и правила диалога приобретают здесь ключевое значение. В таком процессе социолог скорее выступает в роли актора, действующего "внутри" рассматриваемого процесса, нежели как отстраненный аналитик. Социолог призван облегчать политическую коммуникацию, участвовать в ее организации, добиваясь конструктивного взаимодействия между учеными, экспертами и гражданами. Это значит, что он, как и другие участники рассматриваемого процесса, несет моральную ответственность за практические последствия его выводов и рекомендаций. Перспектива -creation институционального механизма для соединения научного, экспернского и локального знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002.
Участие: социальная экология регионов России. Альманах. Вып. 13. М., 2004.
Халий И. А. Акции экологического движения: руководство к действию. М., 1996.
Яницкий О. Н. Диалог нации и общества // Общественные науки и современность. 2004. № 6.
Яницкий О. Н. Производство социально-экологического знания. Статья 1. В поисках нормальной модели // Общественные науки и современность. 2006. № 5.
Яницкий О. Н. Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика). Новосибирск, 2002.
Яницкий О. Н. Социальные движения: сто интервью с лидерами. М., 1991.
Barber B. Strong Democracy. Berkeley, 1984.
Burstein P., Einwohner R., Hollander J. The Success of Political Movements: A Bargaining Perspective // The Politics of Social Protest. Minneapolis-London, 1995.
Diani M. Green Networks. A Structural Analysis of the Italian Environmental Movement. Edinburgh, 1995.
Edelstein M. R. Contaminated Communities. Boulder, 1988.
Fisher Fr. Citizens, Experts, and the Environment. The Politics of Local Knowledge. Durham-London, 2003.
Harvey D. The Environment of Justice // Living with Nature. Oxford, 1999.
Hofrichter R. Cultural Activism and Environmental Justice // Toxic Struggles: The Theory and Practice of Environmental Justice. Philadelphia, 1993.
Irwin A., Wynne B. Conclusions // Misunderstanding Science? The Public Reconstruction of Science and Technology. Cambridge, 2003.
Jasanoff S. Science at the Bar: Law, Science and Technology in America. Cambridge (Mass.), 1995.
Jasanoff S. Science, Politics, and the Renegotiation of Expertise at EPA // Osiris. 1992. № 7.
Kasperson R., Stallen P. Communicating Risk to the Public. Dordrecht, 1991.
Nelissen N. Methods of Public Participation in Western Europe. Experiments with Public Participation in Urban Renewal in West European Municipalities // Cities of Europe. The Public's Role in Shaping the Urban Environment. Moscow, 1991.
Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature. Princeton, 1979.
Susskind L. Environmental Diplomacy. Negotiating More Effective Global Agreements. New York, 1994.
Susskind L., Cruikshank J. Breaking the Impasse. Consensual Approaches to Resolving Public Disputes. New York, 1987.
Yearley S. Nature's Advocates: Putting Science to Work in Environmental Organizations // Misunderstanding Science? The Public Reconstruction of Science and Technology. Cambridge, 2003.